

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.3>

Гареева Гульфира Нигаматовна, Валеева Фарзана Файзулловна, Исхакова Гульшат Расулевна

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКИХ ПОВЕСТЕЙ 1920-Х ГОДОВ

В середине 20-х гг. XX века в повестях М. Гафури, Д. Юлтыя, А. Тагирова, И. Насыри, Г. Хайри, Г. Давлетшина прослеживается переход от эпизодичности в отображении действительности к более длительным отрезкам человеческой жизни, к стройной и целостной системе показа жизнедеятельности личности, к изображению событий в их пространственной и временной плоскости. Установлено, что подобные тенденции способствовали росту мастерства построения сюжета, композиционному разнообразию, раскрытию характерных черт человека новой эпохи в башкирских повестях 1920-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 228-232. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Абдулаева М. Ш. Русско-дагестанский литературный дискурс в контексте диалога культур // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 129-132.
2. Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана: историко-этнографический атлас. Пушкино: ОНТИ ПНЦ, 2001. 289 с.
3. Гаджалова Ф. А. Традиционное и новое в кубачинской вышивке // Наука и молодежь: сборник статей. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2003. Вып. 6. С. 188-194.
4. Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Изд-во Дагфилиала АН СССР, 1967. 300 с.
5. Короткова Е. Р. Повседневная жизнь, характеры, обычаи и ритуалы горцев Кавказа в произведениях Л. Н. Толстого // Наука XXI века. 2017. № 5. С. 1-5.
6. Л. Н. Толстой на Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <http://behtau.net/tolstoy.php> (дата обращения: 27.02.2018).
7. Магомедов А. Дж. «Город» мастеров: из истории художественных и общественных традиций Кубачи. Махачкала: Наука – Дагестан, 2011. 246 с.
8. Магомедов А. Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1999. 205 с.
9. Монисто [Электронный ресурс]. URL: <https://vvoi-uvellir.ru/monisto/> (дата обращения: 18.01.2018).
10. Османов М. О. Жилище даргинцев в XIX-XX веках (этапы развития и трансформации). Махачкала: ИИАЭ, 2009. 276 с.
11. Пантюхов И. Современные лезгины // Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Изд-во Дагфилиала АН СССР, 1967.
12. Рамазанова З. Б. Традиционная пища народов Нагорного Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. 285 с.
13. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. 352 с.
14. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура: историко-этнографические этюды. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 240 с.

**REPRESENTATION OF THE NORTH CAUCASIAN NATIONAL CULTURE
IN L. N. TOLSTOY'S STORY "THE PRISONER OF THE CAUCASUS"**

Gadzhhalova Galimat Rasulovna
Dagestan State University, Makhachkala
galima94@mail.ru

The article examines the peculiarities of the North Caucasian traditional culture represented in L. N. Tolstoy's story "The Prisoner of the Caucasus". The paper analyzes specific features of the Caucasian everyday life, clothing, dwelling and language, which are described in the story in parallel with the basic story line. The researcher compares the writer's observations with ethnographic materials on the North Caucasian traditional culture and concludes that L. N. Tolstoy's observations in many ways coincide with scientific data, and it indicates the writer's excellent competence in the Caucasian everyday culture.

Key words and phrases: Leo Tolstoy; story "The Prisoner of the Caucasus"; rituals; everyday life; traditional clothing; North Caucasian linguistic culture.

УДК 821.512.141

Дата поступления рукописи: 06.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.3>

В середине 20-х гг. XX века в повестях М. Гафури, Д. Юлтыя, А. Тагирова, И. Насыри, Г. Хайри, Г. Давлетшина прослеживается переход от эпизодичности в отображении действительности к более длительным отрезкам человеческой жизни, к стройной и целостной системе показа жизнедеятельности личности, к изображению событий в их пространственной и временной плоскости. Установлено, что подобные тенденции способствовали росту мастерства построения сюжета, композиционному разнообразию, раскрытию характерных черт человека новой эпохи в башкирских повестях 1920-х гг.

Ключевые слова и фразы: эпизодичность; хроникальность; хронотоп; герой; сюжет; композиция; жанр; стиль.

Гареева Гульфира Нигаматовна, д. филол. н., доцент

Валеева Фарзана Файзулловна

Исхакова Гульшат Расулевна

Башкирский государственный университет, г. Уфа

gareevagulfira@mail.ru; valeeva.farzana@mail.ru; gulshat.iskhakova90@yandex.ru

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКИХ ПОВЕСТЕЙ 1920-Х ГОДОВ

В двадцатые годы термин «повесть» не вошел еще в обиход башкирской литературы. Многие повести вышли под названием «длинный рассказ». Они и по содержанию, и по форме были близки к рассказам.

В середине двадцатых годов XX века в башкирской прозе прослеживается своеобразный перелом, связанный с превращением события в рассказе в литературный эпизод. Это явление, порожденное стремлением

шире охватить жизнь и показать ее в виде длительного процесса, свидетельствовало о все более масштабном проявлении поэтического мышления. Переход от эпизодичности в отображении действительности к более длительным отрезкам человеческой жизни, к стройной и целостной системе жизнедеятельности человека и на этой основе рассмотрение событий в их пространственной и временной плоскости способствовали росту мастерства построения сюжета, композиционному разнообразию. Это вызвало необходимость качественно новых приемов повествования. Вопросы хронотопа – времени и пространства в башкирской прозе предстали как художественная проблема, требующая неотложного разрешения [5, с. 63].

В башкирской прозе первоначально проблема времени решалась за счет простой констатации, перечисления фактов и явлений. Подчинение времени плотности художественного повествования оставалось делом будущего. Сама постановка проблем хронотопа, вызванных определенной стадией развития поэтики, свидетельствовала о достижении башкирской прозой значительного этапа в своем развитии, показала все большее усложнение литературного процесса. На этой почве писатели научились в художественном произведении «сжимать» и «разжимать» время и пространство, таким образом, они пришли к весомости поэтической мысли, к сжатости повествования. И этот процесс в башкирской прозе достоверно отразил постепенное обретение «длинными рассказами» качеств, свойственных повести [7, с. 8-44].

В самом деле, повести двадцатых годов – это, по сути дела, длинные рассказы. События в них развиваются в тесной связи с судьбой одного героя. Но эти события при помощи своеобразного внутреннего притяжения, при помощи единой объемной мысли концентрируются в единую ситуацию. «Длинный рассказ» по объему, по содержанию и форме именно этой особенностью отличается от сюжета, состоящего в рассказах обычно из фабулы фактов-эпизодов.

Это художественное явление, появившееся в середине двадцатых годов, позднее отпочковывается в самостоятельную жанровую систему. Самостоятельность этой системы выразилась в двух направлениях: либо в виде повествования судьбы конкретной личности, либо в виде описания какого-нибудь события с общественно-социальным содержанием.

В «длинных рассказах» – повестях о судьбе конкретной личности – событие нередко превращалось в побочный вспомогательный факт, даже в своеобразный фон, выпячивающий персонаж. Но по мере накопления опыта в повестях все отчетливее вырисовывались поступки и характер главных персонажей. Интенсивный рост общественной активности этих героев способствовал еще более яркому изображению их образов. Например, в повестях «Ступени жизни» М. Гафури, «Кооператоры», «Женщина» Г. Хайри воссозданы полнокровные образы героев-борцов новой жизни с их активной позицией к жизни, со смелыми поступками, с индивидуальными особенностями характера.

В повестях с социально-общественным содержанием доминирующую роль играет событие-ситуация. Здесь центральный герой обычно выступает в роли очевидца происходящих событий, т.е. здесь описываются события, участником которых он был. Эта особенность была наиболее присуща повестям А. Тагирова.

Во второй половине двадцатых годов повесть сделала большой качественный скачок. Его суть состояла в том, что этот жанр от описания простой цепи событий или же от прямолинейного прослеживания жизненного пути какого-нибудь персонажа превратился в художественную единицу, основанную на поэтической мысли и целостном содержании. Основная мысль произведения превращает длинную вереницу событий в единую конфликтную ситуацию, которая организует в одно целое все компоненты произведения. В этом отношении наиболее характерными были повести И. Насыри. Если в повестях А. Тагирова сюжет строится путем последовательного пересказывания «длинного рассказа» или нескольких рассказов-эпизодов, то у И. Насыри сюжет в первую очередь опирается на единство судьбы героя и события [4, с. 89-128].

Таким образом, в двадцатые годы в жанре башкирской повести в основном фигурировали событийно-ситуационные повести и повести, написанные в виде прослеживания личной биографии. В первых из них событие-ситуация, идейно-эстетическое содержание произведения берутся из сферы общественного движения. В данном случае персонаж как бы переходит на второй план, т.е. превращается в соучастника события-ситуации. Во второй же группе повестей биография и вся жизнедеятельность персонажа определяют сюжетно-композиционную структуру. Но в этом случае заметно тяготение к очеркам, особенно к очеркам-портретам, где большое место занимает описание событий, связанное с коренным преобразованием общественного строя.

Среди историко-революционных повестей этого периода повесть М. Гафури «Ступени жизни» занимает особое место. В ней автор подробно прослеживает распад старого и появление на его месте нового общества, показывает «ступени жизни» – пути формирования нового человека с развитием общества, с ходом социально-исторических событий [8, с. 338-350]. Выпускник медресе Вахит Ягафаров проходит жестокую муштру царской армии, знакомится с большевиками, становится одним из активных членов революционной ячейки, Октябрьскую революцию встречает убежденным борцом, растет до командира Красной гвардии. В целом Вахит Ягафаров является первым наиболее цельным образом нового героя в башкирской литературе.

Автор достигает разнообразия в показе этого образа, в изображении среды, которая воспитывала и формировала его как личность. По пути в армию Вахит встречается с «длинноволосым образованным парнем» [3, с. 206], который приоткрывает ему глаза на многие житейские явления. Ищущая, любознательная, стремящаяся понять жизнь натура Вахита требует от него постоянной мысленной работы, осознания происходящих событий. Из царской армии домой Вахит уже возвращается сформировавшейся, сознательной личностью, человеком, осознающим ход развития общественно-политических событий, обладающим собственной точкой зрения на историческую перспективу жизни. Сразу же по возвращении он заводит дружбу с сельским учителем с передовыми взглядами – Нагимом Аминовым.

Идейный замысел автора, заключающийся в воссоздании широкой исторической панорамы борьбы за социальную справедливость, существенно расширяет повествовательные возможности повести М. Гафури «Ступени жизни». Большое значение эта повесть имеет не только как крупное достижение башкирской литературы в разработке историко-революционной тематики, но и как произведение, вобравшее в себя черты романного жанра [2, с. 75].

В воссоздавших революционную действительность тех лет повестях «Емельянов курган» (1926), «Первые дни» (1927), «На развилинах бурной реки» (1927), «Фабрика зерна» (1928), «Комсомол» (1929) А. Тагирова, «Гульдар» (1927), «В вагоне» (1927), «Нападение» (1927) И. Насыри, «Кооператоры» (1926), «Женщина» (1930) Г. Хайри нашли отражение различные стороны духовной жизни народа.

В творчестве Афзала Тагирова – в повестях «Первые дни», «На развилинах бурной реки», «Фабрика зерна», «Комсомол» отчетливо проявилось стремление шире охватить явления действительности, создать полнокровный образ нового человека-коммуниста; в историко-документальной повести «Емельянов курган» (1926) рассказывается о судьбе башкирской бедноты, участвовавшей в Крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева.

Повесть «Первые дни» воссоздает пламенные дни Октябрьской революции и Гражданской войны. В ней хронологически последовательно показаны Февральская буржуазная революция и социально-политическая обстановка в Башкортостане, борьба большевиков за воспитание масс, съезд мусульман в Уфе, формирование мусульманских полков, Октябрьская революция, начало Гражданской войны, взятие Уфы белочехами, наступление Колчака, подпольная борьба большевиков, бегство белых. Все эти события составляют сюжетную линию повести. Большинство из этих событий описано бегло, повествование носит хроникальный характер – ведется оно автором в виде пересказа пережитого героем. Более выпуклы и документально достоверны эпизоды, связанные с октябрьскими днями и Гражданской войной в Башкортостане.

Образы большевиков Андрея и Касима, представленные писателем как образы самоотверженных, суровых людей, несущих в массы пламенное слово революционной правды и готовых ради освобождения народа отдать жизнь, остаются в памяти читателя благодаря лишь страстным речам и кожаным тужуркам, психологическое раскрытие их духовного портрета в задачи автора не входило. Более удачно, жизненно полно нарисованы образы представителей враждебного лагеря – богача Хафиза, кулака Ахмади.

Об истории установления советской власти в Средней Азии, о жестокой войне с басмачами, о советском строительстве, о партийной жизни Туркестана рассказывается в повести А. Тагирова «На развалинах бурной реки».

В 1921-1928 гг. А. Тагиров работал в Средней Азии – исполнял ответственные партийные задания в Хиве, Ургенче, был председателем Хорезмского облизполкома. Все это и позволило ему достоверно и глубоко реалистически осветить в повести сложные общественно-политические события тех лет, показать, как шло классовое расслоение, создать яркие картины быта узбекского, каракалпакского, казахского народов, портреты представителей различных социальных групп.

Среди основных героев повести выделяется комиссар Кашиф Кусяров, прошедший сквозь горнило революции, в октябре штурмовавший Зимний, в годы Гражданской войны сражавшийся против белогвардейцев под предводительством Колчака, затем как полномочный военный комиссар организующий разгром Бухарского эмирата и басмачей. Черты характера талантливого организатора и руководителя масс полнее раскрываются в картинах мирного строительства.

Таким образом, главная особенность историко-революционных повестей А. Тагирова, написанных в двадцатые годы, сводилась к показу первых дней революции, нового общества и деятельности нового человека. В них доминировала информационность, но при этом заметно страдал анализ сложных противоречивых событий и ситуаций, показ формирования человека как личности, становления его характера в тесной связи с изображаемыми событиями. Ненужные подробности, элементы, нарушающие стройное, системное развитие сюжета, произвольное подчинение повествования стихии автора вели к ослаблению художественной логики. А. Тагиров находит персонажи, составляет ситуации, присущие изображаемому периоду, но оставляет вне поля зрения раскрытие внутреннего мира персонажей, художественное построение ситуаций.

Выдвинутые новой эпохой темы башкирские писатели стремились решать каждый по-своему, оригинально, искали и использовали новые выразительные средства. Это привело к расширению жанрово-стилевых возможностей башкирской прозы.

В творчестве Имая Насыри успешно были выражены революционный пафос Гражданской войны и героика мирного строительства. Писателя привлекали яркие характеры новых людей, их героические деяния в строительстве нового мира, в разрушении старого [4, с. 89-128]. И. Насыри считал воплощение героического характера человека новой эпохи важнейшей задачей литературы. Страсть к острым ситуациям и приключенческой фабуле И. Насыри нашла место еще в первой его повести «Живьем в могиле» (1925). В ней И. Насыри рассказал о человеке, девять лет находившемся в засыпанных во время мировой войны катакомбах и сумевшем выбраться оттуда благодаря силе духа, борцовскому характеру.

В необычной, экзотической повести «Гульдар» И. Насыри обратился к истории борьбы народов Кавказа против самодержавия, воссоздал героические события и яркие образы. В центре этой повести – рассказ о трагической судьбе девушки-азербайджанки, яркое романтико-сказочное, условно-абстрактное изображение действительных социально-классовых противоречий, использование приемов авантюрно-приключенческого жанра.

В основе сюжета повести лежит традиционный любовный треугольник между Салимом, Гульдар и князем Лобовым. Структура повести, трактовка поступков героев также отражают особенности абстрактной романтической прозы [1, с. 41]. Приключения князя Лобова, его любовные похождения, различные смелые поступки защитников девушки Гульдар от притязаний князя-ловеласа, маловероятные, псевдоромантические приключения ослабляют реалистический сюжет повести, раскрывающий рост социально-классовых противоречий.

В повести «В вагоне» И. Насыри воссоздаются события, связанные с Гражданской войной и началом строительства социализма, показывается труд и борьба коммунистов, подвиги «башкирских джигитов с красными бантами на груди» [6, с. 324]. Эпизоды, связанные со злоключениями героини, попавшей в руки врага, с захватом дружинниками белого генерала и др., обретают детективный характер с целью придания повествованию большей увлекательности. Целостность события, компактность сюжета достигаются посредством акцентирования судьбы героя.

В повестях «Зильский» Г. Давлетшина, «Кооператоры» Г. Хайри, «Фабрика зерна», «Комсомол» А. Тагирова был показан процесс социалистического преобразования села и психологии крестьян, установления социалистических общественных отношений и нового способа хозяйствования. В повестях этого типа общественная сторона жизни отражается в неразрывной связи с активной жизнедеятельностью нового человека. Новый жизненный материал, легший в основу этих повестей, был весьма различным, только что открытым миром для литературы, что давало широкие возможности для поисков и в области формы. Хотя источник конфликта в этих произведениях лежал в сфере социально-классовых противоречий, в них довольно выпукло отразился «собственный», личный мир персонажей. Превращение бытового материала в материал изображения особенно заметен был в повести «Зильский» (1926) Г. Давлетшина.

В башкирской литературе 1920-х годов наибольшего успеха в создании полнокровного образа современника, глубокого воплощения современной тематики достиг Г. Хайри. В повестях «Кооператоры» (1926) и «Женщина» (1930) писатель сумел передать диалектику социальной борьбы и формирование личности нового формата [9, с. 54].

По своим идейно-тематическим особенностям, по созвучию художественных принципов очень близко друг к другу стоят повести «Кооператоры» Г. Хайри и «Нападение» И. Насыри. Разница лишь в том, что И. Насыри, стараясь сделать свое произведение как можно более увлекательным, облекает сюжетную ткань в дополнительные, нередко излишние детали, в манере повествования автора чувствуется стремление к приукрашиванию, к изысканности художественных приемов. А Г. Хайри в повести «Кооператоры» повествование ведет более спокойно, порой в его произведении преобладает даже информационная характеристика.

Зачастую в творчестве башкирских писателей женщина изображалась односторонне: либо замученной, покорной женой, либо только общественным деятелем, отрешенным от личной жизни. А в повести Г. Хайри «Женщина» воссоздан образ башкирской женщины, занимающейся и общественной деятельностью, и живущей частной, семейной жизнью, показан образ женщины в качестве жены, матери, невестки. Автор наделяет свою героиню разносторонними дарованиями, сложным миром чувств, раскрывает ее общественную и личную жизнь в гармоничном единстве.

Таким образом, башкирская повесть двадцатых годов XX века пишется в форме «длинного рассказа». Этот прием, состоящий из повествования или же описания жизненных фактов, сводится к прослеживанию биографии, судьбы персонажа, то есть ступеней его жизни. На этой основе постепенно выросло мастерство писателей в показе этапов духовного роста героя нового времени. Подробный рассказ-перечисление пережитого персонажем с помощью свидетелей оставался основной художественной особенностью данного жанра.

Башкирская повесть двадцатых годов стремилась отразить яркие события с богатым содержанием, глубинные пласты человеческих взаимоотношений, психологические аспекты характера нового человека нового времени. Достичь этой цели, т.е. во всей художественной полноте изобразить происходящее общественное обновление, она была еще не в состоянии, ибо широкий эпический стиль, способный охватить поистине грандиозные социальные преобразования, делал только первые шаги.

Во второй половине двадцатых годов башкирская повесть приобрела основные черты, присущие этому жанру, которые впоследствии получили дальнейшее развитие, укрепились. В двадцатые годы был заложен фундамент жанра повести и определены тенденции его последующей эволюции. Повесть в эти годы переросла в явление, фактически определяющее лицо башкирской прозы этих лет.

Список источников

1. **Баимов Р. Н.** Судьба жанра. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984. 319 с.
2. **Вахитов А. Х.** Жанр и стиль в башкирской прозе. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. 348 с.
3. **Гафури М.** Повести. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1963. 318 с.
4. **Зарипов Н. Т.** И. Насыри. Жизнь и творчество. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1983. 248 с.
5. **История башкирской литературы:** в 6-ти т. / гл. ред. Г. Б. Хусаинов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991. Т. 3. 543 с.
6. **Насыри И.** Сочинения: в 2-х т. Уфа: Башгосиздат, 1957. Т. 1. 424 с.
7. **Рамазанов Г. З.** Башкирская повесть // Проблема жанров в башкирской литературе: сб. статей / отв. ред. С. Г. Сафуанов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1973. С. 8-44.
8. **Рамазанов Г. З.** Творчество М. Гафури. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1965. 447 с.
9. **Сафуанов С. Г.** Г. Хайри. Жизнь и творчество. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1983. 224 с.

THE GENRE AND STYLISTIC FEATURES OF THE BASHKIR STORIES OF THE 1920S

Gareeva Gul'fira Nigamatovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Valeeva Farzana Faizullova

Iskhakova Gul'shat Rasulevna

Bashkir State University, Ufa

gareevagulfira@mail.ru; valeeva.farzana@mail.ru; gulshat.iskhakova90@yandex.ru

The article traces the transition from episodocity in the representation of reality to longer segments of a human life, to a harmonious and integral system of the depiction of life activity of the personality, to the image of events in the spatial and temporal plane in the stories of M. Gafuri, D. Yul'tyi, A. Tagirov, I. Nasyri, G. Khairi, G. Davletshin in the middle of the 20s of the XX century. It is established that these tendencies contributed to the growth of the mastery of plot construction, to the compositional diversity, to the disclosure of the characteristic features of a person of a new era in the Bashkir stories of the 1920s.

Key words and phrases: episodocity; chronicle nature; chronotope; character; plot; composition; genre; style.

УДК 821.351.0

Дата поступления рукописи: 14.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.4>

Статья посвящена современному осмыслению развития литератур народов Дагестана в послевоенное десятилетие в аспекте сопротивления идеологическим клише своего времени, демократизации художественной мысли, обретшей полноценное выражение в советской литературе в период «оттепели», во второй половине 1950-х годов. На основе проведенного исследования в произведениях Г. Цадасы, Т. Хурюгского, А. Батырова, Аткая и др. выявлены новаторские явления, свидетельствующие об определенной эволюции национального художественного процесса. Подтверждением этого служат присущие их творчеству активизация проблем частной жизни, этнонационального своеобразия, акцентированное изображение внутреннего мира, переживаний лирических героев и т.д.

Ключевые слова и фразы: дагестанская литература; послевоенный период; эволюция; новаторство; национальное своеобразие; поэтика.

Гусейнов Малик Алиевич, д. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы

Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала

malik60@list.ru

ДАГЕСТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРЕДДВЕРИИ «ОТТЕПЕЛИ»

В истории советской литературы выделяются периоды, представляющиеся знаковыми. В их разряд относится период, определяемый «оттепелью». Демократизация общественной жизни во второй половине 1950-х годов способствовала выходу литературы нашей страны на новые рубежи. Одними из характерных ее особенностей являются, в частности, смягчение соцреалистических барьеров, активизация лирики, актуализация частных, личных проблем человека в противовес доминировавшим прежде общественным и т.д. История национальных литератур России, в том числе народов Дагестана, конкретно кумыкской, дает достаточно обстоятельное представление об этом векторе развития художественного процесса.

В этой связи следует учесть также, что переход словесной культуры от одного периода к другому не бывает одномоментным, происходит не вдруг и сразу. Кроме того, роль внелитературных факторов в этом процессе может быть достаточно весомой, но очевидно и другое: словесное искусство само по себе подразумевает поступательное развитие, эволюцию. Представляется целесообразным рассмотреть в этом контексте дагестанский литературный процесс, выявить новаторские, оригинальные художественные тексты десятилетия, предшествовавшего «оттепели», произведения, ее приближавшие.

Прежде всего, надо отметить, что движение в плане преодоления идеологических шаблонов соцреалистической культуры было намечено в годы Великой Отечественной войны. Дело в том, что перед лицом грозного врага во имя пробуждения патриотизма, защиты Родины власть шла навстречу человеку. Смягчался в этой связи идеологический диктат, социалистические критерии. В дагестанской литературе в эту пору четкое выражение имеет усиление лирической составляющей, реанимируются фольклорные истоки, в том числе образы героев досоветского прошлого, и т.д. В поэтических произведениях Г. Цадасы, А.-В. Сулейманова, Т. Хурюгского, А. Аджиева, Аткая и др. был высвечен основной нерв национальной словесности – исповедальность, тонкий лиризм; на фоне воспроизведения внутреннего мира, дум, чувств персонажей оттенялись особенности их менталитета (верность отчужденному краю, готовность пожертвовать во имя него своей жизнью, преданность героическим традициям предков). Эти явления были новаторскими по сравнению с предшествующими двумя десятилетиями, когда произведения подобного рода подвергались резкой критике и практически были изжиты.